Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. М., 2001. 568 с.
2. Андронаки, Г. Д. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст [Электронный ресурс] / Г. Д. Андронаки, В. В. Васильева // URL: <http://psujourn.narod.ru/lib/vasilyeva1.htm>.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. 1536 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. 208 с.
6. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : дис ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 409 с.
7. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. 605 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335).
Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 85–88.*

И. В. Сибиряков

ФЕНОМЕН КОГНИЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируются центральные категории когнитивной науки, даются их логико-гносеологические определения.

Ключевые слова: *когниция, дискурс, понятие, определение, речевая деятельность, языковое мышление.*

Сегодня в когнитивной науке не имеется всеми признанных общенаучных определений центральных категорий предлагаемой работы: *когниции* и *дискурса*. Этот факт говорит об особой актуальности заявленной темы исследования. Ретроспективный анализ научных публикаций в их различных подходах к определению когниции выявляет пеструю и довольно противоречивую картину. Так, например, А. В. Кравченко связывает определение когниции с *интуицией* [5. С. 60], Е. С. Кубрякова – с *обыденным сознанием* [6. С. 30–31], В. М. Лейчик – с *научным познанием* и углублением знания [7. С. 67]. **Столь широкая палитра разноречивых** взглядов на феномен когниции свидетельствует, с одной стороны, о глубоком интересе исследователей, а с другой – о необходимости интегративного подхода к анализу данного явления совместными усилиями различных наук.

Проведенное логико-гносеологическое исследование феномена когниции показало, что указанные выше противоречия упираются в различных подходах к проблеме сознания. Если сознание определяется как «восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку, способность

осмысленно воспринимать окружающее» [11. С. 184], то под такое понимание сознания можно подвести любое основание для **когниции**: не только интуицию, обыденное сознание или научное познание, но и предсказание, гадание и так далее, поскольку и предсказание, и гадание входят в «восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку».

Другой подход предлагает Л. С. Выготский: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их (переживаний – *И. С.*) в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. Сознание есть переживание переживаний..., – неоднократно подчеркивал ученый. – Но именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую... сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [2. С. 88–89]. Понимание

сознания как «переживания переживаний» дает ключ к определению когниции, поскольку «переживанием переживаний» может быть и *интуиция* (знание без доказательства), и *сознание*, и *мышление*. Следовательно, *когниция есть категория для обозначения всей совокупности психической активности познающего субъекта по обработке и репрезентации поступающей информации*. А поскольку *когниция* есть категория, следовательно, это – научная абстракция. В силу своей абстрактности понятие *когниции* относится не к какому-то конкретному факту или уровню познания, например, интуиции, сознания или мышления, а ко всему их множеству в целом [10. С. 71].

Аналогичная ситуация наблюдается и применительно к определению понятия *дискурс*. Так, например, Т. В. Матвеева дает этому феномену следующее определение: «ДИСКУРС... – связная речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью: ее событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих. Термин Д. подразумевает речевое общение как взаимодействие в определенных условиях. Кроме того, в нем подчеркивается процессуальность явления, Д. – это поток речевых действий. Текст является результатом этого процесса, хотя к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода... Д. – это последовательность речевых актов, сложный процесс речевого поведения, опирающийся на опыт общения в данной сфере деятельности (социальные коды общения) и направляемый установками, мотивами и целями коммуникантов. Д. выражается вербально (словесно), а в устной речи еще и паралингвистически: в мимике, жестах, пространственных сигналах, акустических знаках (интонации, громкости голоса), паузировании. Д. бывает диалогическим и монологическим» [8. С. 92–93]. Итак, автор изложенных выше слов утверждает, что дискурс – «это поток речевых действий», что дискурс «выражается вербально», «хотя к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода». Подобные тезисы вызывают гораздо больше вопросов, чем дают убедительных и однозначных ответов. Каким же образом «к готовому тексту возможно применение дискурсивного подхода», если дискурс «выражается вербально»? Это что же, чтоб к тексту применить дискурсивный подход, его следует проговаривать вслух, чтобы

быть твердо уверенным, что текст «выражается вербально»? А как же быть с глухонемыми, которые, за редким исключением, не могут выражать свои мысли вербально? Владеют ли они связной речью, то есть дискурсом? А ведь если признать, что жестовый язык глухонемых является дискурсом, то как же утверждение, что дискурс «выражается вербально»? Тогда существующие определения дискурса, которые повсеместно распространены, будут являться научной ошибкой.

Изложенные выше сомнения подтверждаются анализом исследований в других областях научного знания. Так, например, профессор К. Н. Суханов пишет по поводу дискурса следующее: «Дух философии математики логицистов противоположен кантовской философии математики, поскольку математические понятия здесь трактуются не созерцательно, интуитивно, а *дискурсивно* (курсив наш – И. С.), как “вытекающие” из понятий логики» [12. С. 43]. Отчетливо видно, что профессор связывает понятие дискурса с категориями логики: понятиями, суждениями и умозаключениями.

Интерес представляет также статья С. В. Борисовой, которая утверждает: «Четкого и общепризнанного определения “дискурса”, которое могло бы охватить все случаи его употребления, не существует... Сами по себе лингвистические употребления термина “дискурс” – весьма разнообразны, хотя в целом за ними просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. С одной стороны, дискурс – речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с *речевой деятельностью* (курсив наш – И. С.) индивида... С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х гг.) дискурсивного анализа связана с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого прежде всего через обмен репликами; таким образом реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия» [1. С. 315]. Привлекает внимание также следующее замечание Борисовой: «Следовательно, термин “дискурс”, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию “текст”, при этом подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как

статический объект, результат *языковой деятельности* (курсив наш – И. С.). Иногда “дискурс” понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс *языковой деятельности* (курсив наш – И. С.), вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (то есть текст) (следует отметить, что именно такое понимание является предпочтительным)» [1. С. 315].

Кроме перечисленных подходов к пониманию сущности дискурса можно дополнительно указать на такие его разновидности как социальный дискурс, политический дискурс, научный дискурс и ряд других, причем каждый из них представлен своими собственными отличительными характеристиками. Но даже и перечисленных выше достаточно для вывода, что необходимо искать для определения дискурса такие подходы, которые могут быть использованы и для анализа текста, и для речевой деятельности, и для диалога, включая, разумеется, определение, что язык является знаковой деятельностью.

В свете сказанного хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на выделенные курсивом цитаты С. В. Борисовой, где речь идет о *языковой деятельности*. В своей статье автор неоднократно подчеркивает, что основными характеристиками дискурса является вербальный характер его выражения. А это значит, что более подходящим в данном контексте будет употребление категории *речевая деятельность*. И такая категория действительно подвергалась анализу в отечественной науке. Предпосылки для такого подхода создает, например, категория «речевая деятельность» в психолингвистике.

Теоретическое обоснование зарождения психолингвистики как науки легко обнаружить в трудах известных ученых. Отечественный философ Э. В. Ильенков считал, например, что и речь, и мышление представляют собой всего лишь две одинаково односторонние абстракции, а то, что выражается в совокупном единстве языка и мышления, есть уже нечто третье, что само по себе ни мышлением, ни языком уже не является. Соответственно такому подходу и логика (как наука о мышлении), и лингвистика (как наука о языке во всем его объеме) являются всего лишь аспектами абстрактного рассмотрения этого третьего, реального, конкретного явления, которое и проявляет себя только в контексте неразрывного единства языка и мышления. Отсюда следует вывод,

что ввиду своей односторонности и абстрактности ни логика, ни лингвистика не в состоянии дать научного отображения этого третьего, конкретного явления, которое ни языком, ни мышлением назвать уже нельзя. Исходя из сказанного, философ предлагает объявить всю предшествующую историю и логики, и лингвистики лишь предысторией новой науки. В рамках этой новой науки должны найти свое научное переосмысление все специальные абстракции с соответствующей этим абстракциям категориальной системой: «В ней с самого начала ни мышление не рассматривалось бы само по себе, то есть в отвлечении от языковой формы его осуществления и выражения, – пишет Э. Ильенков, – ни язык не рассматривался бы иначе, как естественная, абсолютно необходимая и потому единственная форма, не выливаясь в которую мышление вообще не может ни осуществляться, ни представляться, ни мыслиться» [4. С. 270].

Психолингвистика уже на начальном этапе своего становления столкнулась с необходимостью свести в единое целое *речь и язык*. Доминантой, позволяющей обобщить специальные абстракции обеих наук и свести их системы понятий к одному знаменателю, и является категория «*речевой деятельности*». Конечно же, Э. В. Ильенков писал о неразрывном единстве логики и лингвистики, а в данном случае речь идет о психолингвистике. Этот факт не следует рассматривать как подмену понятий, поскольку в данном случае более всего акцентируется внимание на мысли Э. Ильенкова, что речь и мышление представляют собой две одинаково односторонние абстракции, которые, взятые в неразрывном единстве, ни языком, ни мышлением уже не являются. Таким образом, речь идет в первую очередь не о взаимодействии логики и лингвистики, а о проблеме возникновения новой науки, которая и изучала бы то нечто третье, которое выражает совокупное единство языка и мышления. Как известно, такой наукой и явилась психолингвистика, потому что аналогичная единая наука на базе логики и лингвистики так и не появилась.

Параллельно с Э. Ильенковым проблему «речевой деятельности» исследовал и Л. С. Выготский в своих работах «Мышление и речь», «Лекции по психологии», но он определил эту категорию как «*речевое мышление*». «Главнейший итог работ, – неоднократно подчеркивал Л. С. Выготский, – установление того, что речевое мышление – это сложное образование

неоднородного характера. Вся осмысленная речь в функционально развитом виде имеет две стороны... Это то, что принято называть... фазической стороной речи, имея в виду ее вербальную сторону, то, что связано с внешней стороной речи, и *семической* (или семантической) стороной речи... которая заключается в наполнении смыслом того, что мы говорим, в извлечении смысла из того, что мы видим, слышим, читаем» [3. С. 409]. Отсюда следует, что внешняя, фазическая сторона речи есть знак, а внутренняя сторона является носителем значения. Это значит, что каждая отдельная словоформа или лексема представляет собой единицу речевого мышления, потому что она есть знак и значение в одно и то же время.

И все же категория «речевое мышление» не исчерпывает собой все многообразие употребление языка. Гораздо перспективнее здесь будет категория «языковое мышление», поскольку язык есть знаковая система, а знак, как известно, обязательно включает в себя и значение. Такая категория позволяет охватить собой все многообразие дискурса: текст, речевую деятельность, диалог, монолог, политический дискурс, социальный, научный дискурс и др. *Дискурс*, таким образом, *есть связная совокупность языкового мышления*. Здесь, как и у Л. С. Выготского, имеются как фазическая, так и семантическая стороны языкового мышления, которые могут функционировать только в единстве. «Но ведь слово – это же знак, а его употребление в языке есть деятельность, и не просто деятельность, но деятельность целеполагающая. Целеполагающую деятельность принято называть *функцией*, – утверждает Д. И. Сибиряков. – Отсюда неумолимо следует вывод, что значение слова есть *функция* знака: значение слова (знака) и *функция* слова (знака) выступают как синонимы. Но каждый знак (слово) в зависимости от способа употребления выступает в различных значениях, то есть функциях: следовательно, значение многофункционально. Это и есть основы принципиально новой, *функциональной* теории значения» [9. С. 130], идеи создания которой давно витают в научном сообществе. Важнейшими функциями языка, как известно, являются *коммуникативная* и *когнитивная*, на базе которых формируются остальные функции: *номинативная, референтная, индикативная, эмотивная, синтагматическая, парадигматическая* и ряд других. Понимание дискурса как языкового мышления позволяет значительно рас-

ширить границы когнициии как категории для обозначения всей совокупности психической активности познающего субъекта по обработке и репрезентации поступающей информации.

Список литературы

1. Борисова, С. В. **Понятие дискурса в лингвистике** // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 315–317.
2. Выготский, Л. С. **Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии** / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М., 1982. 488 с.
3. Выготский, Л. С. **Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии** / под ред. В. В. Давыдова. М., 1982. 504 с.
4. Ильенков, Э. В. **Соображения по вопросу об отношении мышления и языка. Философия и культура**. М., 1991. С. 270–274.
5. Кравченко, А. В. **О профессиональной и языковой компетенции в журнальных публикациях по когнитивной лингвистике** // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 59–63.
6. Кубрякова, Е. С. **Что может дать современная лингвистика исследованию сознания и разума человека** // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 26–31.
7. Лейчик, В. М. **Языки профессиональной коммуникации лингвистов** // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 63–68.
8. Матвеева, Т. В. **Полный словарь лингвистических терминов**. Ростов н/Д., 2010. 562 с.
9. Сибиряков, Д. И. **Игра в когнитивной деятельности сознания** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 84. С. 128–130.
10. Сибиряков, И. В. **Логико-гносеологический анализ феномена когнициии** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). **Филология. Искусствоведение**. Вып. 84. С. 69–72.
11. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1988. 800 с.
12. Суханов, К. Н. **Критический очерк гносеологии интуиционизма**. Челябинск, 1973. 228 с.